

ПАРАДОКСЫ НАСИЛИЯ В СВЕТЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ РЕНЕ ЖИРАРА

М. В. Гафуров

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 9 июня 2020 г.

Аннотация: *насилие – феномен, сопровождающий человечество с самых его истоков. В религиях и мифологиях народов мира насилию уделяется огромное, если не основное значение. Ветхозаветная история вражды между братьями Каином и Авелем; легенда о Ромуле и Реме; история убийства сыном отца в мифе об Эдипе Софокла. Зависть, вражда, кровопролитие между наиболее похожими друг на друга персонажами мифов. Автор статьи предлагает взглянуть на проблему насилия через призму фундаментальной антропологии Рене Жирара, акцентируя внимание на парадоксальность феномена насилия. Рассмотреть, каким образом конфликт между людьми становится точкой сборки социума, определяя архаичные формы религии и примитивные формы права.*

Ключевые слова: *Рене Жирар, фундаментальная антропология, миметическая теория, насилие, священное.*

Abstract: *violence is a phenomenon that accompanies humanity from its very beginnings. Religions and mythologies of the peoples of the world give enormous, if not main, significance to violence. For example, the Old Testament story of Cain and Abel, describing the enmity between the brothers, as well as the story of Romulus and Remus or the murder of a father by his son in the myth of Oedipus Sophocles. Between the characters of myths most similar to each other envy, enmity and bloodshed occurs. In this article, the author suggests looking at the problem of violence through the prism of fundamental anthropology by Rene Girard, focusing on the paradoxical nature of the phenomenon of violence. To consider how the conflict between people becomes the assemblage point of society, forming archaic forms of religion and primitive forms of law.*

Key words: *Rene Girard, fundamental anthropology, mimetic theory, violence, sacred.*

Рене Жирар (1923–2015) – франко-американский философ, антрополог и литературовед, его творческий путь можно условно разделить на два этапа: 1) зарождение теоретических построений на основе анализа литературы, в следствие чего Жирар и создает миметическую теорию; 2) второй шаг – исходя из данной теории Жирар прилагает усилия в рассмотрении всей человеческой культуры. Он стремится создать всеобъемлющую теорию культуры, обращаясь к трудам социологов и антропологов, таких как Э. Дюркгейм, Дж. Фрезер, К. Леви-Стросс.

В основе происхождения архаических обществ Жирар видит феномен насилия. Он формулирует тезис о «механизме козла отпущения», который утверждает, что человеческая культура возникла на основе религиозных ритуалов, связанных с жертвоприношением. Жирар считает,

что первые формы человеческой цивилизации были порождены коллективным стремлением сдерживать насилие. Механизмом подобного сдерживания выступают ритуалы.

Миметическая теория

Описывая проблему соперничества между персонажами в литературе в раннем труде «Ложь романтизма и правда романа», Жирар анализирует литературные труды Сервантеса, Стендаля, Достоевского и приходит к следующим выводам. В основе лежит антагонизм героев романов, который проистекает из подражания. Жирар предлагает термин треугольного желания, смысл которого заключается в том, что вражда между героями происходит из стремления обладать одним и тем же объектом желания. Однако ценен не сам объект, а само желание соперника, таким образом, один персонаж подражает желаниям другого. Метафора треугольника предполагает, что два антагониста и объект желания находятся в миметической зависимости. «С истоков человеческих обществ присутствует насилие, которое является следствием миметической природы желания, которая превращает всех людей в естественных соперников, поскольку они не желают ничего, кроме того, что уже желают другие» [1, р. 58]. Эта зависимость и порождает конфликт, зависть и соперничество, перетекающее во вражду. Во всём этом Жирар и видит истоки насилия.

Данный взгляд на природу насилия не является нововведением. Например, А. Кожев, интерпретируя философию Гегеля в контексте диалектики раба и господина, указывает на то, что «кровавая» борьба за признание начинается с невозможности двух субъектов обладать одним объектом (таким объектом может являться, например, знамя как предмет чистого престижа). Однако Жирар указывает на миметический характер насилия, т. е. подражание выступает причиной конфликта. Миметическая теория претендует на то, что она способна проследить за развитием человеческого желания: от корыстного мимезиса до гегелевского стремления к признанию. Жирар утверждает, что желание является динамическим явлением, которое охватывает различные этапы своего развития.

Таким образом, миметическая теория описывает человека как социальное существо, которое зависит от отношения с другими. С точки зрения этой теории, мимезис является определяющим фактором в социальных отношениях, из этого следует, что мимезис может оказать как негативные, так и позитивные последствия. Насилие и убийство, как и преданность другому, могут быть следствием миметического желания. Различия заключаются лишь в том, как мимезис манифестирует себя в человеческих отношениях: он может раскрываться в качестве корыстного желания или соперничества либо как подражание, приводящее к благим целям.

Жирар смог разглядеть религиозные корни такого феномена, как насилие, посвятив работы «Насилие и священное», «Козел отпущения», «Я вижу сатану падающего как молнию» исследованию феноменов: наси-

лия, гонений, жертвоприношения и жертвенности. Увидев общие черты в различных религиях и архаичных мифах, Жирар указывает на особый смысл насилия в ритуалах различных народов. Жертва всегда связана с насилием, так как во всяком подобном ритуале присутствует кровопролитие; но в то же время она исключена из него, потому что кровопролитие такого рода вписано в модус священного. Безусловно, подобное утверждение является парадоксальным. Однако Жирар видит в данной парадоксальности глубокий смысл, который вкладывают в фигуру жертвы архаические сообщества. Жертва становится необходимым элементом религиозных ритуалов, чтобы прекратить кровопролитие, наступающее в момент кризисов. Жертва, одновременно являясь частью насилия, призвана предотвратить насилие, а именно «плохое насилие» – хаотичное и бесконтрольное, которое усугубляет кризис в обществе. Подобное отношение к кровопролитию в культурной антропологии принято описывать в понятии амбивалентности. Чтобы принести жертву, необходимо ее убить, и в то же время, если не принести жертву, насилие захлестнет всю общину. Ритуал предписывает то, на что обычно наложены запреты. Данное противоречие мы уже указывали ранее. Ритуалы не только разрешают, но и предписывают то, что в обычное время является табу, например, убийство. Во время священного действия налагается совершать грехи, которые смыываются в акте жертвоприношения.

Заразительный мимезис

Следует задать вопрос: почему происходит кризис в обществе, сопровождающийся всплеском насилия? Жирар находит ответ в уже упомянутой работе «Ложь романтизма и правда романа», перенося теорию, созданную им в области литературоведения, на социальную антропологию. Таким образом, миметическое желание становится виновником вражды и соперничества в обществе. Не случайно вырабатываются запреты, определяющие права членов общества на обладания различными объектами желания, которые могут создавать поводы для споров и конфликтов. К таким объектам можно отнести: землю, женщин, трофеи, добытые в результате набегов, скот и т. п. Поскольку мимезис предполагает, что всё может стать объектом желания, запреты регулируют все аспекты социальной жизни.

Как мы уже указали ранее, миметическое желание предполагает не желание обладать предметом, которым обладает другой, а подражать желанию «другого». Так как субъекты подражают желанию «другого», Жирар указывает, что такое желание становится заразительным, и предлагает термин «заразительный мимезис». Если в обществе происходит кровопролитие, то насилие охватывает всех. Для прекращения такого хаотического насилия, наряду с запретом на миметическое желание, общество вырабатывает методы легитимизации насилия, истоки которых Жирар видел в религиозном ритуале.

Аналогия мимезиса и заразности болезни очень точно подобрана Жираром. Не удивительно, что во многих архаических мифах, впрочем, как

и в западной литературе, фигурирует символизм чумы. Поскольку чума символизирует угрозу социального краха, вызванного распространением болезни, подобный страх также справедливо можно отнести и к распространению насилия, вызванного мимезисом. Чума, как и имитация, заразна, и оба явления угрожают общественному порядку одинаковым способом. Прямым следствием социальных кризисов является вспышка взаимного насилия, которое может привести к самоуничтожению сообщества. Поэтому не удивительно, что природные и социальные катастрофы обычно связаны в сознании архаичного человека. Например, в мифах стихийные бедствия часто выступают в роли метафоры социального кризиса. «Для понимания социального кризиса не имеет большого значения, вспышка вызвана стихийным бедствием, эпидемией, внешними военными угрозами или внутренним соперничеством» [2, р. 136].

Жертвоприношение

Жертвоприношение становится способом канализировать нарастающее в обществе насилие на фигуре жертвы. Данный феномен Жирар определяет как «механизм козла отпущения». В работе «Насилие и священное» Жирар указывает на амбивалентность насилия, присущую данному ритуалу. «Убивать жертву преступно, поскольку она священна... но жертва не будет священной, если ее не убить» [3, с. 7]. Ритуал жертвоприношения становится эффективной техникой борьбы с насилием, потому что оно предоставляет каждому человеку выхода его накопившейся агрессии на альтернативную жертву, предотвращает нарастающий антагонизм в обществе. «Жирар утверждает, что это саморегулирующийся механизм, и легко понять почему: потому что он является результатом чистой эскалации насилия» [4, р. 136].

Анализируя ритуалы жертвоприношения в первобытных обществах, Жирар отмечает, что жертва должна иметь схожие черты с представителями этого общества и в то же время радикально отличаться от его представителей. Как в случае с народом нуэр, хозяйственная деятельность которого неразрывно связана с разведением рогатого скота, данные животные наделяются человеческими качествами, структура их стада в языке нуэр описывается подобно человеческим сообществам, и именно рогатый скот в данном сообществе избирается в качестве жертвы: «Способом общения с мертвыми и с духами является жертвоприношение, и никакая церемония нуэр не обходится без жертвы барана, козла или вола» [5, р. 18]. Вообще, «Жирар рассматривает приручение животных как случайный результат механизма козла отпущения, как только жертвоприношение животных превратилось в широко распространенную практику на этапе раннего человечества» [6, р. 64].

Как утверждает Жирар, первобытные сообщества стремятся нарушить принцип симметрии, и это стремление неразрывно связано с насилием. Например, чукчи наказывают невиновного, а не преступника, так как воздаяние должно быть наиболее похоже на наказание преступника, но также отличаться от него. Для чукчей расправа над преступником

будет повторением того же деяния, что исходя из миметической теории неизбежно породит новый виток насилия. Они избегают симметричного наказания, внося иное в практику наказания, тем самым разрушая миметический принцип. «Требуется найти радикально иное насилие, насилие поистине решающее и окончательное, которое бы раз и навсегда с насилием покончило» [3, с. 40].

Кроме того, показательным примером стремления избежать симметрии может служить страх некоторых первобытных народов перед близнецами. Как отмечает Клод Леви-Стросс: «В тропической Америке, но также и в других местах, индейцы боятся рождения близнецов и придают смерти одного из них или же их обоим» [7, р. 109]. Описывая данный феномен, Р. Жирар отмечает, что близнецы рассматриваются как ритуально нечистые, нарушающие принцип неразличимости, подобное нарушает картину мира первобытного человека и табуируется. «Нечистое» может быть очищено только «чистой» кровью, т. е. ритуализованным насилием. С точки зрения миметической теории, близнецы с неизбежностью начнут вражду друг с другом. Вражда, исходящая от них, охватит всё сообщество подобно болезни. И, таким образом, насилие с неизбежностью станет хаотичным, – индейцы стремятся институализировать его в ритуале, подчинить порядку.

Козел отпущения

В процессе механизма козла отпущения сообщество канализирует негативную энергию на одного из представителей своей группы. Вся ответственность за кризис перекладывается на потерпевшего. Впредь до сегодняшнего дня мы можем также наблюдать остатки этого явления. Как утверждает Жирар, для архаичных мифов характерно то, что на жертву переносились не только негативные элементы, козел отпущения также связан с положительными эффектами. В работе: «Козел отпущения» Жирар приводит пример мезоамериканского мифа о сотворении солнца и луны, где в качестве жертвы (козла отпущения) боги выбирают пораженного болезнью своего собрата. В результате бог-жертва становится богом солнца. «Заметим попутно, что у ацтеков бог солнца является также и богом чумы, подобно Аполлону у греков» [8, с. 101]. Таким образом, фигура козла отпущения демонстрирует амбивалентные свойства насилия, воплощенные как в негативной агрессии, так и позитивном примирении. В глазах тех, кто приносит жертву, козел отпущения представляется абсолютным «добром» и абсолютным «злом» одновременно. В итоге жертва становится божественной сущностью, несущей в себе атрибуты добра и зла. «Свои злые и благие деяния бог совершает одним и тем же способом – меч в толпу свои лучи. Эти лучи приносят свет, тепло и плодородие, но они же приносят и чуму» [там же, с. 102]. Данное замечание Жирар делает в отношении бога Апполона, пускающего стрелы в фиванцев, но подобная двойственность характерна для многих архаических богов.

Символизм солнца часто фигурирует в работах Жирана, в отношении архаичных мифов, и в западной литературе. Экзистенциализм не мог не оказать огромного влияния на Жирана как на французского интеллектуала. Особенно для раннего его творчества, связанного с литературной критикой. Человек абсурда – персонаж, закрепившийся в экзистенциальной литературе, – отлично вписывается в модель миметической теории. Человек абсурда приносится в жертву обществом именно потому, что он отказывается участвовать в миметических отношениях. Здесь можно вспомнить речь в суде Мерсо – героя романа «Посторонний» Альбера Камю, анализу которого Жиран посвятил эссе «К новому процессу над “Посторонним”». Мерсо непреднамеренно убивает человека, произведя выстрел в тот момент, когда ему в глаза светит солнце. На суде он заявляет: «Во всём виновато солнце». Жиран указывает, что роман выстроен так, чтобы читатель испытывал сочувствие к главному герою и resentment к судьям: «Чтобы стать мучеником, Мерсо должен совершить действительно предосудительный поступок, но, чтобы сохранить сочувствие читателей, он должен оставаться невиновным» [9, с. 145]. Камю намеренно меняет местами персонажей, делая жертвой убийцу, а его казнь почти возводя в статус языческого акта жертвоприношения. Поскольку Мерсо – человек, для которого безразличен мир, он отказывается притворяться в мире абсурда, он идеально годится на роль «козла отпущения».

Подводя итог, мы можем заключить, что в основе насилия лежат фундаментальные структуры, основанные на миметическом желании. С самых древних времен человечество научилось вырабатывать механизмы противодействия насилию, и основы таких механизмов лежат в религиозных ритуалах, будь то прямой запрет на миметическое соперничество или жертвоприношение как канализация насилия на иное. Прекратить насилие можно другим путем – насилием священным. Однако не стоит рассматривать Рене Жирана как апологета насилия; для Жирана важно показать не необходимость насилия, а то, каким образом оно входит в символическое пространство. В такой связи насилия и священного и заключен парадокс данного феномена.

Литература

1. *Pommier R.* René Girard : un allumé qui se prend pour un phare / R. Pommier. – Paris : Editions Kimé, 2010. – 140 p.
2. *Palaver W.* René Girard's mimetic theory / W. Palaver. – East Lansing : Michigan State University Press, 2011. – 403 p.
3. *Жиран Р.* Насилие и священное / Р. Жиран. – СПб. : Новое лит. обозрение, 2010. – 448 с.
4. *Dumouchel P.* The ambivalence of scarcity and other essays / P. Dumouchel. – East Lansing : Michigan State University Press, 2014. – 383 p.
5. *Evans-Pritchard E. E.* The Nuer : a description of the modes of livelihood and political institutions of a Nilotic people / E. E. Evans-Pritchard. – Oxford : Clarendon Press, 1956. – 271 p.

6. *Cowdell S.* René Girard and Secular Modernity : Christ, Culture, and Crisis / S. Cowdell. – University of Notre Dame Press, 2013. – 274 p.

7. *Lévi-Strauss C.* Nous sommes tous des cannibales. Précédé de Le père Noël supplicié / C. Lévi-Strauss. – Paris : Le Seuil, 2013. – 287 p.

8. *Жи́рар Р.* Козел отпущения / Р. Жи́рар. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. – 336 с.

9. *Жи́рар Р.* Критика из подполья / Р. Жи́рар. – М. : Новое лит. обозрение, 2012. – 256 с.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Гафуров М. В., аспирант кафедры истории зарубежной философии

E-mail: max.gafurov@outlook.com

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

Gafurov M. V., Post-graduate Student of the History of Foreign Philosophy Department

E-mail: max.gafurov@outlook.com